

ПАМЯТЬ – дама капризная: она выборочно хранит странички пожелтевших воспоминаний. Но когда их перелистываешь, восстанавливаются эпизоды своеобразной «записной книжки». Сегодня архивы памяти перебирает наш корреспондент.

«Рота, подъем!»

Прошедшему школу жизни («армия» в Забайкалье, хорошо известно, что «два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а солдаты из ЗаБВО заменяют хоть кого»). Сам же Забайкальский военный округ окрестили «Забудь вернуться обратно». На то – особые причины...

На заре сладкие домашние сны прерываются ненавистным ревом: «Рота, по-о-о-дъем!» Спичка горит тридцать пять секунд – проверено на практике. Нужно успеть одеться, спроснок не перепутав армейский ремень с портянками, гимнастерку – с брюками, да вытянуться по команде «смирно». Это уже вторая подъемная команда: первую в три часа ночи дал Сашка Покатович, мой сосед слева по двухъярусным кроватям.

С диким криком он рванул по телам мирно спящих товарищей примерно метров сорок, до «тумбочки» дневального. ...Весело посмеявшись, мы пожелали Сашке «спокойной ночи».

По окончании утренних процедур – строевые занятия. Не бить бы строй неположенной ногой. «Замок» (заместитель командира взвода) заставляет в назидание чеканить шаг перед плацевым зеркалом, исправляя допущенные небрежности в строю. А по плацу – только бегом или строевым шагом...

«Стоя, стреляю!»

После курсов молодого бойца и военной присяги в учебном подразделении – овладение премудростями основ караульной службы, несения «бдэ» (боевого дежурства).

Круто приходилось при охране святыни части, так как при какой-либо нештатной ситуации со знаменем часть подлежала расформированию, а непосредственные виновники могли быть наказаны по законам военного времени. Неси почетную вахту рядом со знаменем при полной боевой выкладке, практически на «тревожной кнопке» – тяжело. Любое телодвижение могло привести в действие сигнализацию, что равносильно боевой тревоге: нападение на знамя части. Аналогично подобно, к сожалению, имели место на советско-китайской границе.

Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а солдаты из ЗаБВО заменяют хоть кого

ЗАБУДЬ ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО

РИС. ВИКТОРА РЫЖИКОВА

Служивцу Оглы из Баку раз довелось охранять продовольственный склад, обходя его по периметру, изредка спускаясь по земляным ступенькам проверить сохранность пломбы. К несению службы он подготовился основательно: запахло в громадный тулуп, удобно рассевшись, стал ждать смены караула. По хрусту снежного покрова он определил приближение разводящего. На одном дыхании выпалил: «Стоя, кто идет? Стреляю!» Смена караула зарылась в сугроб. Больше Оглы ответственные посты не поручали – хватало на кухне работы...

Не соврать – быть не рассказать. После наряда в парк боевых машин мне об этом под большим секретом поведал Юрка из Оренбурга, а с ним поделился Сережка, услышав от меня сию правдивую историю. В дежурке парка раздался телефон-

ный звонок: «Чапаю – машину!» Трубка вернулась на исходное положение без какой-либо реакции. Через несколько минут требование повторилось. «А коня не надо?» – вежливо осведомился дежурный и накликал неприятности на свои армейские жировые накопления: требуемая машина предназначалась командиру дивизии, внуку легендарного героя.

Операция «Пенек»

Мы – курсанты одного из учебных подразделений, саперы и понтонеры, прикомандированные к учебному танковому батальону, преимущественно с высшим образованием со всего Советского Союза. Отчего солдат гладок – наелся и на бок. Это не про нашего брата: нам полагаются «кирза ячневая» – ложкой не провернуть, да картошка во всех ее ипо-

стасях, частенько сухая, размазня.

Поэтому с нетерпением ждем солдатского праздника 23 февраля. Построили нас на плацу. Морозец за сорок, топчемся, не понимаем, почему медлит и тревожно перешептывается офицерский состав. Наконец, объявляют, что регулярные части Китая вторглись на территорию суверенного Вьетнама и развязали военные действия. Нам необходимо готовиться к оказанию братской помощи вьетнамскому народу. Учебная воинская часть в сорока километрах от границы и продержится минут сорок при хорошем танковом бое.

Пока курсантам порекомендовали не паниковать, ударив по провокаторам операцией «Пенек». Вооружившись кирками, топорами, ломом, отправляемся на корчевку пней в ближайший лесок. По сантиметру

вгрызаемся в промерзшую забайкальскую земельку, оглашая тишину леса непередаваемым многонациональным сленгом.

Ближайшие дни мы у телевизора и радиоточек. С радостью встречаем известия, что «наши», вьетнамцы, лупят зарвавшихся провокаторов. Обошлось, не повезло позже с Афганистаном. Я знаю точно: один из армейских товарищей – водитель Генка Адушкин из Рузаевки – дослуживал в Кабуле и вернулся домой в цинковом гробу. Его фамилию я встретил через тридцать лет в одной из Книг памяти...

С Вороновым... ПОД ОДЕЯЛОМ

К определенным армейским ограничениям привыкаешь быстро. Сложнее с пищей духовной. Мы постоянно урывками читали все, что находили в скудной библиотечке. Пыльшущим спросом, естественно, пользовались немногочисленные книги о забайкальских казаках – трилогия Седых «Даурия», «Отчий край», «Утреннее солнце», эпопея Баябина «Забайкальцы». Меня, магнитогорца, больше интересовала история уральской глубинки. Повезло – нашел тонкий сборник стихов нашего поэта Павлова и «Юность в Железнодорожье» Воронова. Помнится, стихи земляка любил и читал наизусть уроженец из Прибалтики. Итак, читали везде, за исключением караульного помещения, ибо, как внушал наш ротный, изучай устав – он «писан кровью».

Мои нары – под казарменным светильником: света достаточно, читал после отбоя. Это засек сержант и доложил командиру взвода, молодому и зеленому, как советские три рубля. Наказание последовало незамедлительно: спасительный плафон исполнительный сержант выкрасил темно-коричневой краской «во избежание нарушений часов положенного отдыха». Читать стало удобнее под одеялом – вынул китайский фонарик. Мое краденое счастье длилось сорок восемь часов: вновь на шестел переворачиваемых страниц поспешил неутомимый сержант. Он окончательно конфисковал «орудия, посредством которых нарушался отдых солдат». Когда об этом я недавно рассказал писателю Воронову, он улыбнулся и на обложке «Юности в Железнодорожье» подписал: «Моему редкому читателю – с благодарностью за армейское открытие этого многострадального романа»...

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
ДМБ-80, старший лейтенант запаса.

Берег левый, берег правый...

УЛОЧКИ МОЕГО ДЕТСТВА

ОСЕНЬЮ на страницах «ММ» опубликованы воспоминания Анатолия ИОВИКА «Улочки моего детства», вызвавшие теплые отклики магнитогорцев.

Как бальзам для души восприняли они рассказы о Соцгороде 50-х. Эти воспоминания, естественно, не привязаны в большей своей части к официальной истории с ее фиксированными датами и носят субъективный характер. Они показывают жизнь человека, крупные события в обществе здесь не упоминаются, но создают фон и настроение рассказов.

Продолжаем знакомить магнитогорцев с фрагментами жизни пацанов Соцгорода – воспоминаниями Анатолия Иовика.

«Нет такого мужика, который бы в детстве не баловался рогаткой. Меня тоже не обошло это увлечение. При сооружении рогатки не было мелочей. Сама рогатка «по правилам» должна была быть «равновесной», с вилкой, образованной ветками одинаковой толщины – с большой палец, расходящимися от рукоятки под одинаковым углом. «Правильная» рогатка – с расхождением четыре пальца по длине, на три по ширине. В качестве эластичного элемента особенно ценилась красная плоская резина. Снарядодержатель («кожанка») обязательна кожаный, на это шла кожа с мебели. Не последнее – искусство завязывания узлов, которые могли подвести в самый неподходящий момент.

Рогатка была грозным оружием. Гораздо позже в канадском охотничьем журнале я уви-

дел рекламу «фирменных» рогаток для охоты на кроликов. Оптического прицела они не имели. А пацаны могли метать ими солидные камушки почти на сто метров. Нравилось мальчишкам стрелять в высоту над головой, когда камень улетал так высоко, что становился невидимым, а потом возвращался. Особая гордость, если камень возвращался близко к точке запуска. Точности стрельбы не было никакой: попасть в орущую на дереве ворону не получалось. В развешенное белье или окно – и целиться не надо. После нескольких подобных попаданий и следующих за ними восторг у ребятня пропадала охота использовать рогатку во дворе, но они всегда имели ее при походе на «базарную гору».

Родственным рогатке инструментом была запускалка – болт или удлиненный камень, привязываемый к обрывку веревки. Его раскручивали как пращу в вертикальной плоскости и в нужный момент отпускали. Летали они очень высоко. Провода, идущие между крышами многоэтажных домов, были увешаны запускалками, зацепившимися за них своими хвостами.

Вдоль Соцгорода по проспекту Пушкина проходила первая трамвайная линия города, первоначально от поселка Щитовые до заводоуправления, а потом продолженная до Березок и чуть позднее до городского вокзала – ныне Товарная. По ней курсировали фанерные двухвагонные трамваи с тамбурами и раздвижной дверью со стеклами, отделяющей тамбур от сидящего вагона, с «колбасой» между вагонами. Скамейки деревянные, напоминающие парковые, с изящно изогнутыми спинками. Металлическая труба-поручень над голо-

вой с каждой стороны вдоль скамеек, с петлями-стременами для рук. Высокие ступеньки, перила с двух сторон дверей, как на пассажирских железнодорожных вагонах. Цвет вагонов – синий и зеленый.

Как мы любили кататься! Без билетов могли ездить только маленькие, а возраст кондуктор определял по росту. Вот мы и ездил на полуогнутых. Залезешь в тамбур и стоишь, только уши видны кондуктору сквозь стекло. Тетеньки-кондукторы нас обычно ссаживали на остановках, если считали, что ты достиг росто-возрастной мерки, которая у них располагалась где-то между поясом и грудью. Ну а уж если билет купил, а он стоил три копейки, то гордо сидишь на скамейке, как взрослый. Иногда билет покупали, чтобы пофорсить и показать окружающим, что ты уже взрослый.

А по вагонам ходили калеки и певцы-гармонисты, жали копеечки из пассажиров. Репертуар был однообразный – война, детдом, куплеты о «Дуне чумовой» или вопль души:

*Люди добрыя, посочувствуйте,
человек обращается к вам.
Дайте молодцу на согреть души,
я имею в виду сто грамм.*

«Сто грамм» покупали тут же – вблизи любой остановки располагалась рюмочная, и «артисты», набрав на донышке кепки или шапки слой копеек, направлялись туда.

Когда мы увлеклись трамваем, нам было по пять-семь лет. Мы собирались по несколько человек. Наш обычный маршрут проходил через пустынную тогда «базарную гору» к большому базару, потом на 11-й участок и оттуда на трамвае либо в Соцгород до горте-

атра, либо до заводоуправления, оттуда пешком мимо парка вверх по проспекту Пушкина до Соцгорода. Иногда ездил до Березок, иногда на правый берег, по недавно пущенной двухколейке. На правый берег ходили новые трамваи с железными углавыми вагонами. Цвет вагонов – красный. Старые трамвайчики уходили, и вместе с ними уходила своеобразная атмосфера, присущая послевоенным годам.

Новый для нас маршрут на правый берег открывал возможности новых исследований. Идешь от остановки «Паромная» до ТЭЦ. Возьмешь левее – выйдешь к парому, он за пятак перевезет через Урал до Старой Магнитки. Пойдешь правее – выйдешь на золоотвалы, в которых тоже можно было найти интересное занятие, хотя бы искупаться в горячих стоках.

Автобусы были более аристократичным видом транспорта. Мягкие дерматиновые сиденья, отсутствие рельсового «так-так» и обязательное приобретение билета превращали поездку в автобусе в настоящее событие. Как всякая самостоятельная малышня, мы мало беспокоились о своих ушибах и ездил на автобусах снаружи, цепляясь за задний буфер. Синяков и содранных коленок – не сосчитать. Мы спорили на «автобусы». Затыкаем каждый свою веточку за задний буфер автобуса, идущего вниз, в сторону заводоуправления, и ждем. Чья веточка вернется при обратном рейсе, тот выиграл. Хорошо, если это был маршрут № 1 или № 2, разворачивающийся у заводоуправления, но если попадался пятый маршрут, что до правого берега, то ждать приходилось долго, а по правилам все участники должны были дожидаться возвращения автобуса...